
ИЗД-ВО МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р., К. и К. Д.

«НОВАЯ МОСКВА»

Москва, Кузнецкий Мост, 1. Тел. 2-08-96, 2-20-99.

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Под редакцией А. И. РАДЧЕНКО.

Афанасьев, П. О.—Методы обучения в связи с комплексной системой. Под редакцией А. И. Радченко. 1926 г. Стр. 45, ц. 20 к.

Блонский, П.—Как изучать школьника. Под редакцией А. И. Радченко. 1926 г. Стр. 30, ц. 15 к.

Пчелко, А.—Планирование и учет работы в школе I ступени. Под редакцией А. И. Радченко. 1926 г. Стр. 55, ц. 28 к.

Революционные праздники в школе I ступени. По отчетам, сочинениям и дневникам педагогов и детей школ городских, деревенских и школ при производстве. Сборник, под редакцией А. И. Радченко. 1926 г. 91 стр., ц. 50 к.

*

Любую книгу по всем вопросам знаний высылает немедленно наложенным платежом Почтовый Отдел Издательства. Почтовый Отдел Издательства принимает на себя составление библиотек и библиотечек по всем вопросам и на различные суммы. Имеется большой выбор комсомольской и пионерской литературы. Учреждениям и организациям льготные условия—скидка и кредит. КATALOGи и проспекты собственных изданий—бесплатно; на пересылку прилагать марку.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Моховая, 24, 3-й книжный магазин
Издательства Моссовета „Новая Москва“.

21/69

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
Под редакцией А. И. РАДЧЕНКО

Г. П. Б.
1926

36/1419

М. ЗАРНИЦЫНА

ТРУДНЫЕ ДЕТИ В ШКОЛЕ и ДОМА

„НОВАЯ МОСКВА“

1926

ОТДЕЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

Отпечатано в типографии
Админ. Отдела Моссовета
имени М. И. Рогова
(Петровка, 38)

в количестве 5.000 экз.
Мосгублит № 18.646.

ОТ РЕДАКТОРА

Внимательно-любовное изучение школьных типов, в особенности, так наз., трудных детей, изучение их домашней среды и работа с этой средой школы, наконец, организация дополнительной внешкольной воспитательной работы с детьми в клубах, читальнях, мастерских и на площадках, — это то самое важное, что может делать школа для борьбы с детской безнадзорностью в предупреждение их возможной беспризорности.

Может ли учитель один вести такую большую работу дополнительно к своей учебной и общественной или хотя бы за счет последней?

Автор в своих записках доказывает, что это возможно при правильном подходе к ребятам и их родителям, при помощи самих этих родителей и школьного совсода. Автор только мало подчеркивает роль еще одного сильнейшего помощника учителя в этом деле: это — сами организованные школьники во главе с пионерами, — под условием правильного руководства ими. Детям большей частью более доступно посещение

домашней среды своих товарищей, к ним относятся более просто и доверчиво, чем к учителям. Через детей в школе может быть известна домашняя среда каждого из товарищей; дети, правильно направляемые педагогом, имеют достаточно случаев положительного воздействия на своих наиболее слабых и угрожаемых товарищей и даже на их домашнюю среду в смысле оздоровления ее быта. Дети лучше педагогов знают и улицу со всеми ее соблазнами, и наиболее угрожаемых ею детей; сознательные и организованные дети помогут и организовать, и оздоровить эту улицу путем примитивного санитарного надзора, пропаганды словом и действием (беседы, доклады, стенгазета, плакаты, шествия, древо и цветонасаждение, чистка, уборка, устройство площадок, организация игр, спектаклей на воздухе и пр.).

И еще есть помощник у учителя в деле изучения домашней среды ребят и внешкольной работы с ними: это — комсомольцы и учащиеся наших педагогических техникумов и вузов, которые в такой работе приобретут себе богатую практику будущих воспитателей — обследователей. Такая работа и учителю, и его помощникам должна зачитываться как их основной общественно-необходимый труд, труд, обслуживающий маленькое общество людей будущего, — теперешних детей.

Что касается перегруппировок, рекомендуемых автором, то они, конечно, возможны лишь в больших школах с параллельными классами. Но и в рядовых школах можно в пределах каждой группы образовать подгруппы (звенья), соединяющие детей одинаковой умственной силы, производящих соответствующую их силам работу: минимум, оптимум или максимум обще-программных требований. С оставлением на второй год, как страшно обезкураживающим и разлагающим ребят, необходимо поднять серьезную борьбу.

ВВЕДЕНИЕ

В моей группе, в школе Замоскворецкого района, сорок пять человек волнующихся ребят, — каждый ребенок со своими наклонностями, со своею жизнью. Как будто мы их и знаем хорошо, по четырех-пяти часовой работе с ними, по их поведению, но на самом деле мы их не знаем совсем.

Что говорят мне эти тетради, первые две страницы которых хорошо исписаны, а потом вкось и вкривь? Тетради, где нет самостоятельных работ, где все списанное, чужое?

Эти дети, которые занимаются два, три дня живо, весело, а потом апатичны и вялы, эти нервно-возбужденные ребята, — которые не могут посидеть спокойно минуты, вскакивают, задирают соседа, шумят крышкой от парты; эта систематическая пропажа вещей у товарищей, эти ссоры, драки в перемену, грязь, опаздывание на уроки, эти тряпичные бантики в волосах, иногда даже следы пудры и т. д., — что они мне говорят? Где искать причину? В самом ли ребенке, или глубже, в той среде, откуда пришел он к нам в школу?

Как узнать ребенка, как выявить его?

И вся программа новой школы, и сам ребенок, именно такой, какой он приходит к нам первый раз со своими наклонностями, особенностями, приходит из жизни, приходит с впечатком своей среды, впечатлениями улицы, с целым миром своих ощущений,—все нам подсказывает, что нам нужно уметь понять его мир, его жизнь, то-есть его среду. И не частично, не только в классе.

Вызывать родителей, созывать родительские собрания и там говорить о ребятах? Меня родители не знают, я их. Что говорит мне физиономия Иванова, Петровой? Они сидят на собрании, слушают, мертво и скучно.

Если мы не знаем друг друга, у них не может быть доверия ко мне; они говорят мне одно в глаза, а уйдут,—другое; они не искренны со мной.

Нужны ли такие формальные собрания? Какую они пользу приносят? Они скорее вредны, потому что они не сближают, а скорее отдаляют нас и я не узнаю правды о детях.

Но родителям нужно знать меня, а мне их.

Когда мы начнем знакомиться с родителями в их собственной среде, все эти чужие Ивановы, Петровы получают свою определенную физиономию, сразу оживут перед нами, мы станем искреннее друг с другом, более понятны друг другу и тогда они заинтересуются собраниями.

Так случилось у меня. При начале изучения мною домашней среды ребенка начались беседы о ребенке без прикрас, мы делились своими методами воспитания, раскрывали свои ошибки, спрашивали советов.

С тех пор родительские собрания стали больше посещаться, почти все родители переставали.

Родительские собрания—это итоги нашего изучения среды. Не с них надо начинать, а нам раньше надо самим войти в среду.

Что так просто у дошкольников, где каждый руководитель знает родителей своего ребенка, то труднее у нас в школе, где мы разделены от ребят каменной стеной—партами.

В деревне, где общественной работы для учителя больше, чем у нас, среда близко знакома учителю.

Изучение среды помогает нам найти тот или другой метод подхода к ребенку.

Работа большая и берет много сил, но, с другой стороны, как облегчает она нашу работу в группе с трудными детьми, где мы иногда бесильны что-либо сделать.

И, быть может, незнание среды допустило нас сделать ту или другую ошибку в подходе к ребенку, может быть, совсем испортило его.

Дело воспитания настолько трудное, что приходится рассматривать свою задачу со всех сторон.

Сорок пять человек совершенно противоположных по характеру детей, трудные дети семи различных групп, собранных вместе в качестве второгодников, — что делать с ними?

„Взять их под строгий режим, надавить, чтобы слушались на полслове“. Такой совет дал мне один из родителей вначале.

Но мне нужно научиться подходить к трудным детям не так.

Вначале пока предоставляю ребятам жить своею жизнью и наблюдаю за ними. Одни равнодушны ко всему, другие — один порыв к действию, к работе, третьи нервно-возбуждены и, странно, временами.

Вот эта неровность заставляет меня искать причину глубже, не в самих ребятах, а во влиянии их среды.

Всю свою группу в сорок пять человек я разделила для легкости изучения на несколько подгрупп. Это были дети:

1. Воришки.
2. Грязнули и франтихи.
3. Нервно-возбужденные и апатичные.
4. Полубеспризорные дети.

Я выделила для легкости изучения представителей из каждой подгруппы и начала изучение среды с них.

1. ВОРИШКИ

Группа у меня состоит из детей, особенно плохо обеспеченных материально, и тем печальнее было, что так безжалостно исчезали вещи: то ножичек, то ручки, а потом и деньги, перчатки из шуб, вообще, что плохо лежит.

Кто-то в группе занимался этим. А кто, я еще не выяснила.

Как то я положила книгу с деньгами; деньги из книги исчезли, а книга осталась лежать на прежнем месте.

Подменивали новые тетради на старые, да так ловко, незаметно. Вероятно занимался умелый.

У меня в группе особенно обращает на себя внимание Митя, он очень ловок и подвижен, но лицо его неприятное, бледное, глаза бегают во все стороны, мальчик он не ровный, трудный, но очень способный ко всему. Я стала его подозревать, но еще не выяснила, он ли ворует.

На мои бесчисленные записки мать его не являлась и дома я ее никак не могла застать.

Скоро случай сам привел ее ко мне. Она

вбежала возбужденная ко мне в группу. Лицо ее такое же неприятное, как у сына.

— Митька у меня крест с шеи стащил ночью и принес в школу, обменял на яблоки, — есть у вас такой Ф., с ним и обменял.

— Сережа Ф. шаловливый, живой мальчик.

— Есть такой, — отвечаю я. Ты брал цепочку у Мити? — спрашиваю его.

— Нет.

Позвали сестру из младшей группы. „Цепочку брат принес, но сказал, что ее нашел, и мама отослала ее в деревню“.

Послали за матерью Сережи.

Она созналась, что цепочку отправила в деревню, „не зная, что это чужая“.

Цепочка моя, как же смела ты ее отослать в деревню? — набросилась мать Мити на мать Сережи.

— А я почему знала!

Женщин удалось успокоить, порешили, что из деревни возьмут цепочку и возвратят.

Так состоялось мое знакомство с Митиной матерью. Я стала у нее бывать. Она жила одиноко в комнате. Дом большой, жильцов много. Мать уходит на целый день, ей некогда следить за Митей, — еще совсем маленького она подкидывала его то к одним, то к другим.

Мальчик пытлив, ко всему присматривается, все замечает. А в доме происходят самые разнообразные вещи, недалеко, в нескольких шагах

рынок, — приносят ворованные вещи, подкрашивают, обменивают, перепродают. Митя прислушивался к разговорам. Многое, конечно, он понимал по-своему.

Мальчик и у соседей предоставлен был самому себе. Становясь старше, он уже сам стал входить в комнаты, брать незаметно и прятать чужие вещи, сначала пустяки, приносить в школу и обменивать. Так он принес свисток, финский нож, портсигар.

Приходила мать, плакала, что это вещи жильцов, они хватились их и думают на Митю.

С каждым днем Митя втягивался, мать никаких мер не принимала останавливать его, — ей было некогда и она махала рукой. Митя наловчился, попробовал воровать и в школе, незаметно, ловко, на глазах у товарищей.

У Сережи, который обменял на яблоки цепочку, отец занимает ответственное место, все время занят; мать — безвольная женщина, ребенок — единственный сын, его балуют и всегда у него карманные деньги, на которые он покупает все, что хочет.

Часто в большую перемену я ловила его в темном коридоре, таинственно менявшего что-то, — вынет осторожно из полушубка и опять что-то спрячет. После случая с цепочкой я стала усиленно за ним следить, в этот период наблюдений началось знакомство с семьей.

Семья живет хорошо, всего вдоволь. Одно

время мать не давала Сереже денег, но он все-таки покупал и печенье, и яблоки, и всякие лакомства, раз даже купил себе пугач.

Я спросила мать: — Давали вы Сереже в такое время деньги?

— Нет, у нас как раз не было денег...

— Но на что же он тогда покупал яблоки и сласти? А вы знаете, что он купил себе пугач?

— Нет. А сласти ребята дают, он мне всегда рассказывает, что его товарищи угощают.

Я поговорила с ней серьезно, сообщила о своих наблюдениях над ним. — Знаете ли вы о том, что помимо всего он лжет?

— Это бывает, ребенок... а что до остального у нас в семье ничего подобного нет.

— Однако, не давайте ему денег, они вконец испортят его. — Мать отнеслась как то тупо к моим словам, пришлось поговорить с отцом; отец понял меня сразу, выдача денег временно прекратилась, но вещи в классе пропадали по прежнему.

Я выяснила теперь определенно, что воруют в классе Сережа и Митя.

Что мне теперь делать с ними? Я знаю их среду, мать Мити не может влиять на своего ребенка, ребенок сам по себе, а она сама по себе, а мать Сережи слишком безвольна. Она опять дает мальчику денег. — Не говори только отцу.

Мне пришла мысль сделать ответственными за пропажу вещей в классе Митю и Сережу.

Конечно, это трудно провести, когда класс догадывается, кто у них ворует, но незаметно удалось внушить ребятам, что Митя и Сережа прекрасно уследят за вещами.

Ребята согласились, мое предложение было для них так неожиданно.

Сережа, который никогда не понимал, что такое значит для Кати дешевый карандаш, и Митя, который с детства видел только, как прятали и сбывали чужие вещи, вдруг прониклись чувством ответственности перед классом. Им доверяет весь класс. Пропажа вещей сразу прекратилась, доходило до смешного, найдут сломанное перо на парте, бросят его на пол, подымут и спросят: — Чье перо?

Показать бы лишний раз, что они ответственные.

2. ГРЯЗНУЛИ И ФРАНТИХИ

Чувство ответственности играет огромную роль в жизни ребят, на чувстве ответственности строит свою работу и санитарная комиссия.

Из грязных детей я возьму самого яркого представителя, Колю Н. Мать его целый день занята, на мальчика она абсолютно не обращает никакого внимания, хотя и сщила ему пальто клеш и у него в руках портфель, правда, из картона (ему кто-то склеил „как у мамы“), но в голове у него, в ушах столько грязи, ногти у него черные.

— Кто тебе в уши грязи столько вложил, — спрашивают ребята.

Коля насупился, молчит, мать с детства не внушила ему, что такое примитивная гигиена, а сейчас он видит у себя что то неладное.

Вызвали его мать; не пришла. Долго вызывали, наконец, явилась, и очень обиделась, когда узнала причину вызова.

— Вас никогда не застанешь дома, а мальчик совершенно лишен необходимой чистоты.

— Я за ним слежу, но у меня нет времени возиться с ним, да его сами ребята грязнят.

Санитарная комиссия, которая слышала это — возмутилась. — А в уши грязи кто ему вложил, мы?.. Мать замолчала и, рассерженная, вышла.

А вот еще. Девочка, Клавдия З., лицо все черное от грязи, платье, белье черны, от нее плохо пахнет, волосы во все стороны. Дома у них много ребят, спят они на полу, форточка никогда не открывается — „тепло угонишь“, говорит старуха — бабка. Воздух тяжелый, ребята грязные, ползают по полу, едят что попало, мать ходит по стиркам.

Мальчик Вася, который живет с отцом — пьяницей, так грязен, что ципки пошли по всему телу.

Когда выбирали в санитарную комиссию, то на вопрос — кого же нам выбрать? — ребята шутя, но верно указали, Клавдию З., Колю Н. и Васю. Их вызвали на середину класса.

Можете ли быть в санитарной комиссии? Клавдия З. покраснелась, но Вася и Коля согласились, Коля достал свой портфель и вложил туда бумажку — „санитарная комиссия“.

— А куда их таких замарашек? — раздался голоса.

— Небось вымоются, — сказал Митя, сами — „санитарная комиссия“.

И правда, ребята подтянулись. Вася пришел в класс с красной шеей, правда, грязь осталась, но шею он усиленно тер. Оказывается, он взял уксус, чтобы грязь лучше отстала. Когда я ему сказала, что уксусом не надо, вредно, он ответил: — Шея-то не отмывается, а я — санитарная комиссия!

Клавдия пришла в том же грязном платье, но башмаки у нее были вычищены, волосы гладко причесаны, и в косу вплетена тряпочка.

Коля с портфелем вымылся.

— Ишь подтянулись как, — встретили их ребята. А так как они были их выбранные, то охотно позволили им осмотреть себя.

Правда, терпения у санитарной комиссии хватило ненадолго, всего на несколько дней, после чего они опять ходили грязными, но замечания врача и собрания опять их подтянули.

Они не только подтянулись сами, но старались перенести свои навыки к себе домой. Так, я застала вечером Клавдию около таза в одной шубейке, — она стирала не только свое платье, но и платье своих маленьких сестреноч...

— Наговорили им пустяков, — встретила меня старуха — бабка, теперь все форточку отворяет, „тепло спускает“, при мне не смеет, а без меня все норовить пустить.

Но у матери было довольное лицо. — Помогает матери, мне то некогда совсем, а старуха ветхая стала.

Вася жаловался на отца. — Мету пол, мету, а он опять окурков набросает. — Отец у Васи добродушный, он смеется над мальчиком, похлопывает по плечу. „Ишь в санитары попал“.

Мать Коли так и не удалось увидеть, но каждый вечер он тщательно мылся сам.

Так знакомство со средой помогает не только узнать условия жизни семьи, но и понаблюдать, как навыки школьной жизни отражаются в ней.

Полную противоположность нашим грязнулям составляют девочки-франтихи. Это дети с прическами, с бантиками, даже слоями пудры, с опущенными ногтями. Санитарная комиссия борется с ними, она ухитряется найти у них коробочки с пудрой и выбросить, так метко высмеивает бантики, завитушки, что на другой день не приходит охота обращать на себя внимание, как-то неловко перед другими, простыми, естественными товарищами.

Интересно было проследить среду таких ребят, я взяла для наблюдения двух девочек.

Первая — дочь портнихи. Портниха — мещаночка, к ней приходят пустые барышни с низкими вку-

сами, с браслетами, пудрой и дешевыми духами, все они вертятся перед зеркалом и прихорашиваются. Здесь же постоянно вертится Анюта, и вся эта внешняя мишура действует на нее сильно.

Вторая живет в кошмарных условиях; отец в последней стадии чахотки, мать легкомысленная; она где-то служит машинисткой, красит губы, пудрится, уходит на свидания и часто берет с собой Наташу.

Иногда я получаю раздушенные записочки: — Ната не придет сегодня, у нее голова болит, она ушла со мной прогуляться.

Единственно здоровая личность, которая с детьми, это — прислуга из деревни; она все порицает — „табор какой-то“, но одна с ребятами, что она сделает? Их двое, Наташин старший брат совсем ненормальный мальчик. А Наташа хорошая девочка. Я посадила ее со здоровой крепышкой-девочкой, она с ней сдружилась и ей так понравилось все, что та делала, особенно ее простота.

И Анюта, и Наташа среди простых, естественных пролетарских детей делаются другими. Уже пропала охота приносить пудру, особенно после того, как Коля выкрасил все лицо себе мелом, намазал красными чернилами ногти, завязал веревкой голову и высмеял ту и другую. Не хотелось уж так Анюте вертеться перед зеркалом, ее больше тянуло к подругам, девочкам, где было

веселее и где все более соответствовало ее возрасту. Конечно, эта перемена совершилась не сразу, а постепенно, теперь они такие же простые и естественные, как и подруги...

3. НЕРВНО-ВОЗБУЖДЕННЫЕ И АПАТИЧНЫЕ ДЕТИ

Нервно-возбужденные дети самые трудные. Они всегда неровные: сегодня они учатся хорошо и сидят хорошо, а завтра до того шумливы, что мешают абсолютно всем, иногда способны взвинтить весь класс.

Беру наиболее яркий пример — мальчика Горю, ребенка с прекрасными живыми глазами. Ему все время хочется говорить, и если ему дать волю, он никогда не остановится, он решительно все знает, о чем говорится в классе, забегает вперед, быстро придумывает.

Его письменные работы крайне неровны: сегодня прекрасно выполнены, все доведено до конца, завтра — обрывки слов, недописанные страницы.

Горя мнителен, обидчив, чувство справедливости доведено у него до максимума. Но сам он — большой задира.

Как то он ушел прямо с урока со слезами на глазах, „ураганом вылетел“: его „обидели“, но на самом деле в этот день он сам всех обижал и не давал никому прохода.

Немного спустя меня вызвали из группы: в зале кричали Гора и еще взрослый, — отчим Гори, в шинели, в которой болтался пустой рукав. Горин отчим — инвалид империалистической войны. Он быстро подошел ко мне, буквально сжав кулак.

— К чему вы приставлены, — чорт вас дерит! — и на меня посыпалась самая отборная брань.

Он был вне себя. Успокоить его было трудно. Гора притих и глаза у него были полны слез, он испугался. Я отправила ребят по домам и успокоила его. Когда он пришел в равновесие, мы с ним поговорили о Горе...

— Я не знал, что чуть что он бежит с урока жаловаться!..

— Так ты убежал с урока? А ты не знаешь, что красный солдат должен всегда стоять на посту? Школа твой пост, — сказал он с пафосом. Попробуй мне только уйти с урока! — Его настроения моментально менялись, от злобы к мирной беседе, от тихой речи к пафосу. Он кончил тем, что махнул здоровой рукой и сказал:

— Инвалид я этой дурацкой войны, да дома не сладко. — Заходи когда, М. Р. — Мы дружелюбно расстались и я обещала у них бывать.

Вся жизнь Горина отца нервная, сам он — инвалид войны, которую теперь презирает „ни за что попал“. Война „искрошила ему нервы в конец“. Кроме того, он весь проникнут цинизмом: его песни, его слова так циничны, что и

взрослому слушать неловко, а здесь рядом с ним чуткий ребенок. Жена его, мать Гори, безвольная красивая женщина, очень слабая и больная, она тоже страшно нервная и все плачет; к себе в школу я ее уже больше не вызываю, — она только разливается слезами. Кроме того, в семье старуха — бабушка, вся пропитанная суеверием, религиозным экстазом.

Отчим по своей неровности влияет на всю семью, не говоря уже о ребенке, он никогда не дает Горе довести работу до конца, иногда он сам занимается с ним, но быстро кончает, поет циничные песни и то и дело вставляет циничные слова. Гора знает все песни, иногда в перемену он поет их и пишет записочки, вспоминая те слова, которые говорил отец.

Только узнав его среду, я поняла, почему ребенку хочется говорить, говорить без конца, я поняла, почему он недописывает слова, поняла эту его нервную возбужденность и стала ровнее относиться к нему. Спокойный тон вообще действует на нервных детей, — стоит только прорваться, как вся работа рушится; необходима также настойчивость, чтобы во что бы то ни стало ребенок довел до конца начатое. Я давала ему наговориться, стараясь отвлечь его на другой предмет, если он особенно увлечется болтовней.

Его среда научила меня относиться к нему, не как к лентяю или просто нервно-больному, а

как к мальчику, легко поддающемуся настроению своей среды. При моем более ровном к нему отношении он стал много спокойнее и радостнее, его тетради приняли более законченный вид и эти работы его самого стали удовлетворять.

Детей нервно-возбужденных у меня несколько; побывав в их среде, я узнала, что отцы многих из них побывали на империалистической войне, которая искалечила им нервы; они портят жизнь в своих семьях и калечат детство своих ребят. Таких ребят надо лечить не только у врача, но и спокойным, ровным отношением к ним взрослых и товарищей.

Я посадила Горю с очень покойным, невозмутимым мальчиком. — Мне так с ним хорошо, М. Р., и учиться больше хочется. — Первое время покой того мальчика как будто был нарушен, не смотря на его невозмутимость. — Горя мешает мне, пересадите меня! — Но потом он как-то подружился с Горей и ровным своим характером очень хорошо стал действовать на него.

Девочка одна, тоже сильно нервно-возбужденная, попала к живой, шаловливой девочке, и обе стали чрезмерно возбуждаться, пришлось пересадить.

Большое скопление нервно-возбужденных ребят крайне неблагоприятно действует на группу.

Мне еще хочется коснуться девочки, которая соединила в себе нервную возбужденность, как ни странно, с апатией.

Она сперва занимается ровно и спокойно, потом становится возбужденной, а после апатичной, вялой.

У нее отец истопник. Как то я дала задание ребятам отправиться на исследование большого дома. Ребята разделились на кружки и Маня взяла исследовать паровое отопление (топку), с ней пошли две — три девочки.

Отец Мани все им объяснил, сводил их в топку, при нем они зарисовали котел. Несколько дней Маня ровно, хорошо работала, все ее существо было полно какого-то удовлетворения, она проявляла полную самостоятельность во всем, интересовалась работой. И вдруг полная апатия, никаких работ в тетрадах, ничто ее не интересует; потом опять возбужденность, беготня по классу, болтовня.

— Что с тобой, Маня? — спрашиваю... Она махнула рукой.

— У меня отец запил, не дает мне ни читать, ни писать, ни рисовать, гоняет меня из-за стола, ругается, мама плачет.

— А ты ходишь к Тане? — Таня из здоровой, рабочей среды, спокойная, ровная девочка...

— Нет, никуда, даже гулять не пускает, мама больная лежит, она просит Вас притти.

Я пошла к ним. — Запил мой, — встретила меня мать, всем достается.

— А почему вы Маню не пускаете к Тане?

— Да он не хочет...

— Не слушайте его и к Тане пускайте, и гулять пускайте, особенно когда он запьет; ей там хорошо.

Мать обещала. Спокойная уравновешенность семьи Тани хорошо действует на Маню.

Когда отец не пьет, Маня снова ровна и спокойна. В минуты ее апатии я стараюсь больше говорить с ней и будить ее к деятельности.

Есть у меня и дети, которых ничем не выведешь из их апатичного состояния.

Вот, напр., мальчик: всегда хорошо одет, чистенький, с „иглочки“, книги обернуты в белую бумагу, и сама книга чистая; мало заглядывает в нее; приносит хорошие завтраки, яблоки, — видно, всего вдоволь; у отца палатка на рынке. У него много игрушек, карандашей, бумаги, но ничто его не интересует и не радует. Он всегда апатичен, неподвижен, сонные глаза, полное отсутствие мысли. В доме у него мещански уютно, сестры и мать нарядны; он — единственный сын, балуют его чрезвычайно.

— Не тревожьте Костю, пускай поспит. Ты бы попил чаю с булочкой.

— Сколько у него всего, — говорю я, — потому ему так все и надоело...

— А почему не побаловать ребенка!

Типичный Обломов. В классе его никто не трогает, он отходит ото всех и всегда один.

Я чаще других спрашиваю его, заставляю лишний раз дежурить, посылаю за мелом; раскочевать его трудно, среда в конец обленила его...

— Больше давайте ему работы, — говорю я матери...

— Ну, что утруждать, мал еще...

А вот еще девочка, похожая на него, семья ее — мелко-буржуазная, мать лавочница, в свободное время сидит за самоваром, рядом с ней дочка...

— Вы бы ей больше двигаться давали.

— А на что?

— Пускай рисует, пишет...

— Небось не в конторщицы.

— А бегают она у вас, гуляет?..

— Да больше спать любит, сонная она у меня, — любовно поглядывает она на дочку.

Вялость и апатичность зависят часто от влияния среды, и, не зная семьи ребенка, можно подумать, что это болезнь или просто лень.

4. ПОЛУБЕСПРИЗОРНЫЕ ДЕТИ

Есть дети полуразвалившихся домов, беспризорные, — целый день они на улице. Кошмарный дом, полусгнивший, большой двор, на котором целыми днями ютятся ребята: здесь их дом. Познакомиться с их средой трудно, комнаты на запоре, а взрослых никогда не бывает дома.

Целыми днями ребята играют в деньги, перепродают что-то, выменивают, курят и ругаются, особенным шиком считается загнуть какое-нибудь словечко.

Это дети полу-сироты, их матери торгуют гнилыми яблоками, копеечными конфетами, семечками, занимаются „кустарным разворотом“, заставляют просить милостыню детей, спекулируют и так далее.

Никто, как эти ребята, не знает быта беспризорных: сюда на двор заходят они и учатся искусству воровать.

Такие ребята — редко попадают в школу и очень трудно выдерживают школьную дисциплину.

В моей группе Соловьев—обитатель такого двора; он буен, неспокоен, то и дело привязывается к малышам и сидит, насупившись, злой. Спросишь: — Соловьев, что с тобой? — Молчит.

Вся фигура производит впечатление тяжелого неприятного ребенка; лохматая, никогда не причесанная голова, бегающие во все стороны глаза под глазами сине.

Он страшно озлоблен. — Всем по морде надаю!

— Ты и М. Р. дашь?

— И ей, всем; уйди, кто подвернется!

Ни спокойный, ни строгий тон на него не действует... После урока он собирает банду ре-

бят, или она всегда дожидается его у ворот школы „окружать малышей“.

Приходится принимать строгие меры, разгонять их и провожать малышей.

Такого ребенка нельзя было держать: ни замечания на форпосте, ни учком на него не действовали. Он взвинчивал весь класс, не только свою группу, но и малышей из других групп. Его в конце концов устроили в детский дом, — он круглый сирота.

Проверив его домашнюю обстановку, пришлось убедиться в кошмарной жизни этой среды. Тетка, где он жил, торговала на рынке ветошью, заставляла торговать и С. Вечерами шла „пьянка“. А один раз, в той самой комнате, где жила вся эта семья, повесился старший брат С. После этого что-то на всю жизнь тяжелое осталось в мальчике: я знала его до этого случая более спокойным, на него можно было влиять, а после он сделался особенно буйным и злым.

У меня еще был мальчик Миронов, ужаснее Соловьева: вкрадчивые манеры, вкрадчивый ласкающий голос, заглядывание в глаза — и нож в сапоге; во время перемены он прятался в шубы, не являлся на урок и отпарывал ножом пуговицы у пальто.

Он был лживый мальчик. На уроке вел себя тихо. Но иногда в классе раздавался свист, еле заметный, — от кого? Свист раздавался громче, — это свистел Миронов.

После уроков та же самая картина, что у Соловьева: ребята ждут его у школы, только не открыто, а где-нибудь за углом; иногда рискуешь, что тебе попадет и камень в голову. И все так же мягко будет улыбаться Миронов, как ни в чем не бывало.

Мать Миронова совершенно бессильна что-нибудь сделать с мальчиком, отца у него нет. Мы отправили его к врачу, он признал, что мальчика совершенно нельзя оставить в школе, а надо основательно лечить.

В группе—несколько человек переростков; все они сидят по два года в каждом классе. Условия их жизни дома ненормальные.

Ко мне пришла мать одного из них.

— Уж вы не взыщите на Шурке, у меня в доме ужас один. Отец пьяница, у него на стороне другая семья, Александру приходится помогать нам, а в семье семь человек, — приторговывает.

После уроков я видела на рынке, как он стоял с корзинкой и торговал яблоками.

Александр — нелюбимый сын; раз отец выгнал его из дома и он несколько дней шатался неизвестно где.

Александру учиться некогда, часто он пропускает занятия, а потом является сумрачным, невнимателен и с трудом усваивает, что говорится в группе.

— И так из года в год.

Две девочки хорошо одеты, в новых пальто и платьях, но неровны: то сильно возбуждены, то апатичны. Как-то на углу видели их просящих милостыню вечером в рваных шубенках; сначала не узнали, не поверили, а потом выяснили, что это они.

У них нет ни отца, ни матери, приютила их старая женщина — „тетка“, она заставляет их нищенствовать и скрывает это. Целыми вечерами девочки на улице. Пропускают они занятия то и дело, обе очень дружны. — Несколько дней уже нет старшей девочки, а меньшая апатична, иногда горько принимается плакать.

— Что с тобой?

— Маня умерла...

— Отчего?..

— Она купила на рынке пирожок с рыбой и отравилась.

— Она насобираала денег на улице — заговорили ребята.

Надо было вырвать девочку от тетки. — В детский дом ее не удалось устроить. Девочка сама убежала от тетки и пропала. А жаль девочки. Она была очень способная, особенно предприимчивая, в ней выработалась ловкость, умение приспособливаться, у нее всегда были ручки, тетради, перышки, она доставала их, выпрашивая, выменивая. Улица вырабатывала в ней эту способность.

Есть такие, чье детство в настоящее время протекает нормально, но самое зарождение и раннее детство были ненормальны.

Так мать девочки П. во время беременности очень сильно пила, теперь она уже не пьет. Они — кустари и ни в чем не нуждаются.

— Не знаю, что с девочкой, — удивляется мать, — у нее все есть до отказа, а вот, поди ты, памяти никакой, чудная какая-то.

Мальчик Р. трудно владеет речью, испугали в детстве. — Он все с нянькой находился-то, — говорит мать, а я торговать уходила на целый день; испугали его да...

Эти дети должны перейти в вспомогательную школу.

— Не буду сидеть с девкой, у нас не полагается, — заявил мне (небольшой мальченка) Ваня П.

— А как же все сидят?

— Все да не я...

Скоро около парт появились нелепые рисунки циничного содержания. Это рисунки Вани. Рисунки появлялись то и дело, как тщательно их ни собирали. — Я позвала его в свободную комнату одного, показала целую стопку рисунков.

— Ваня, не хорошо так разбрасывать плохие рисунки, я надеюсь на тебя, что ты так не будешь делать и за другими посмотришь...

Ваня не смутился и не отговорился, что ри-

сунки не его, он повернулся и вышел. Но рисунков я больше не видала.

У него можно было услышать такие отрывки речи, где-нибудь из уголка:

— Либо парня, либо девку волокет.

Как живет он дома?

У него нет ни отца, ни матери, живет он у какой-то подозрительного вида женщины. Достаточно было посидеть в комнате несколько минут, как становилось ясно, что тут что-то неладное: приходили, уходили какие-то накрашенные девченки, а в дверях столкнулись с мужчинами, очевидно, здесь занимались „кустарным развратом“. И ко всему этому чутко приглядывался ребенок, обострялся слух уловить шопот; здесь в этой атмосфере разврата все существо ребенка жило нездоровыми образами и детская рука воспроизводила нелепые рисунки.

Удалось заинтересовать его рисованием, купить ему красок, — он любил рисовать. Ваня получил задание рисовать в журнал, плакаты для санитарной комиссии, в Ленинский уголок. Все это увлекло его и отвлекло в школьные часы от нелепой его жизни.

Улица поздно вечерами особенно возбуждает ребят. Пытливо приглядываются они ко всему, ничто не скрывается от их глаз. На бульварах, у кино, у пивных целый мир представлений по своему переламывается в них.

— Почему ты опоздал сегодня?

— Проспал!

— А где был?

— Он все на улице до двенадцати болтался.

— А у пивных весело, — вдруг проговорил Леша, — да и пьяные смешные, мы их дразним.

— За мной раз пьяный бежал.

И на уроках находит себе Леша материал, взятый из впечатлений улицы. Так, при изучении мягкого знака в середине слова, у Леша раньше всех был готов ответ.

— Я много слов придумал: пьяница, коньяк, русская горькая, вот сколько! — выпалил сразу Леша.

Присматриваясь к ребенку, зная его среду, можно иногда совершенно случайно натолкнуться на тот или иной верный подход к нему. Так, Леша, плохой товарищ, мальчик, который всегда вечерами на улице, любит животных: у него загораются глаза, когда говоришь о жизни животных, и в школу его всегда провожает и встречает рыжая, невзрачная собаченка.

— Я ее у беспризорных выманил. Она лежала у них на подстилке, голодная, я подошел, показал мясо, она за мной и пошла, чуть меня беспризорные не вздули. Я им говорю: — Собака не ваша, мало ли рыжих, — и не отдал.

Он, жестокий к ребятам, бережно и ласково обращается с собаченкой. Целыми вечерами Леша на улице, а за ним плетется и собаченка.

— Хочешь пойти со мной в музей, — спросила я его...

— А что там?

— Живой уголок, там всякие звери.

— А собаки есть?

— Собак нет, а ежи, крысы, белки, птицы, насекомые.

— Идем, я ежей люблю.

В музее прекрасный живой уголок, каждый ребенок ведает своим отделением, записывает, ведет дневники наблюдений. Леша заинтересовался живым уголком; теперь он активный работник живого уголка и отошел от улицы.

Необходимо, чтобы не только школы, но и клубы и прочие места, где проводит ребенок свой досуг, интересовались средой ребенка; от незнания среды происходит, что часто за неимением места не принимают в клуб ребенка полубеспризорного, которому первое место в клубе. А между тем в клубе, по моим наблюдениям, самым активным работником является полубеспризорник.

Знать домашнюю среду ребенка необходимо; об этом я говорила и с вожатым нашего отряда; теперь и там начата уже работа со средой. Дети сознательные, организованные прекрасно могут влиять на своих товарищей; роль пионера, комсомольца громадна в изучении жизни беспризорного товарища и отвлечении его от уличной жизни.

Большая работа нашего врача еще более была

бы ценна, если бы он указал родителям о вреде ночного бродяжничества ребят по улицам.

Необходимы активные меры борьбы с уличной жизнью нашего школьника. Ночная жизнь на улице отнимает у нас радостного, здорового ребенка и дает взамен нервно-возбужденного ребенка с дурными наклонностями.

5. РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

В нашей работе большую помощь может оказать совсод. Рука об руку со мной по изучению среды ребенка шла одна из членов совсода, мать — работница; у ней был здоровый взгляд на жизнь, большая наблюдательность; она сразу учитывала всю ненормальность среды, где рос ребенок, у нее находились всегда меткие слова, правильный подход к родителям, она была близкая, своя, — мать. Вместе с ней можно было легче разобраться во всем. Обследовав с ней среду, как могли, мы собрали родителей, предварительно обдумав, как повести собрание. Теперь, зная условия жизни детей, мы могли дать удовлетворительные ответы их родителям.

Отец девочки В., у которой невозможные по трудности (скученность) жилищные условия, всегда спрашивает:

— Почему вы не задаете ей уроков на дом.

— А как ты живешь, спросила А. П.—член совсода.

— Живу сама, знаешь, тесно...

— Сколько раз ваша девочка приносила небрежно выполненную работу! Это портит ей характер и приучает ее к небрежности, — дополнила я. — Да и задавать уроки на дом, которые являются продолжением школьной работы, мы избегаем.

— У меня дочка в читальню ходит.

— А у меня в клуб...

— Вот и занятия, — сказала А. П.

Особенно много выступали родители, у которых нервные дети.

— Вы должны в строгости ее держать, в рукавицах ежевых...

На что А. П. сразу нашлась.

— Ты уже помолчи со своей девченкой, я видела, как ты с ней обращаешься, пикнуть не даешь, совсем забил ребенка: вот пока она боится, она до тех пор и слушается, а как чуть отвернешься, она опять за свое; ее лечить надо, да спокойно с ней поступать.

Начались беседы о нервных ребятах, перешли к нервно-возбужденной подгруппе, о том, как ведут они себя в группе и о причинах их возбуждения.

А потом шаг за шагом и к другим подгруппам; группа разбиралась, как говорится, по косточкам.

Постановили к концу года направить нервных ребят в санаторию, в лесные школы. Выяс-

нили, что скопление нервно - возбужденных ребят в одной группе очень вредно для остальных ребят.

Постановили оздоровить группу: тех нервных детей, которые не сравнялись с группой (небольшой процент), перевести в более здоровую группу, где преобладают нормальные дети, — здоровая атмосфера группы благотворно будет влиять на них.

Постановили не принимать осенью в группу, где уже преобладают возбужденные ребята, еще таких.

Решили, что руководительница, которая предоставляет нам своих второгодников, должна поделиться методами своего подхода к ребятам и дать подробную их характеристику.

Решили, что должна быть громадная осмотрительность при оставлении в группах, что нужно считаться не только с возрастом той группы, где будет на второй год оставлен ребенок, но и с составом всей группы.

Здесь же, на собрании, разобрали подгруппу тех ребят, которые были оставлены одним очень опытным и чутким педагогом, оставленные все ровные, не успевающие лишь по молодости лет. Все дети идут нормально и легки по воспитанию.

Принимая во внимание все это, разобрав ребят из каждой подгруппы, решили произвести большую работу, привлекая к ней родителей.

Посещение среды теперь стало пониматься не как „назойливое посещение постороннего лица“, а как совместная работа педагога и родителя.

Решили, на собраниях ближе к заключительному учету в присутствии всех поговорить о каждом ребенке обстоятельно, об его жизни в семье, как он проводит время, исправился ли за год, просмотреть его работы, представителю от родителей побывать несколько раз перед учетом в группе, а затем распределить всю группу на новые подгруппы. Умственно-дефективных отправить в вспомогательную школу.

— Ну, уж в школу-то отсталых я его не отправлю, пускай здесь учится, — заявила одна из матерей.

— А вы знаете, что представляет из себя школа отсталых, — спросила другая.

И знать не хочу...

— Вот и напрасно... Мой старший сын учится там, я вначале тоже недовольна была, а теперь совсем другой мальчик стал.

— Необходимо и товарищам, работающим во вспомогательных школах, осветить перед нашими родителями, что из себя представляют их школы, какие там методы, как выправляются в них ребята, выравниваются в нормальных детей, — сказал один из сознательных родителей.

Я рассказала собранию, как осенью явились ко мне родители и буквально ругали, что я

отдала их детей во вспомогательную школу, а к концу года благодарили.

Постановили, что необходимо выделить одного из представителей от родителей весной, чтобы он ознакомился со школой дефективного ребенка и поделился своими наблюдениями с другими.

Выбрали А. П.

Перешли к переросткам. Нашли, что необходимо их отправить в школу переростков, что они излениваются вконец в школе с малыми ребятами, неподходящими к ним по возрасту, и очень неблагоприятно действуют на группу.

Когда коснулись полубеспризорных ребят, спросили:

Что может дать клуб и может ли он отвлечь ребят от улицы?

Это был очень важный вопрос и он говорил о том, что сознательный элемент понимает все значение клубов.

Я ответила, что в клубе пионеров началась работа по изучению среды ребенка и работа с полубеспризорниками.

Поделилась с родителями впечатлениями о клубе, где мне пришлось работать: дети улицы, заинтересованные той или другой работой, все свое свободное время отдают клубу и являются хорошими организаторами, лучше тех, которые живут в нормальной обстановке.

— Понятно, там ему тепло и весело, — ска-

зал один из родителей, — и внимание на него обращают.

Родители спросили еще, как ведется работа на форпосте и какова общественная работа, есть ли пионеры и октябрюта в группе и сколько их. Просили передать вожатому, чтобы он осветил работу форпоста и учкомов перед ними.

Таким образом, сознательного родителя интересовало не только то, как проходятся навыки в группе, но какова и общественная работа их ребенка, которая ведет их к новому быту.

Пришли к заключению, что группа очень трудная по своему составу: сорок пять человек с разными характерами, с разными наклонностями, дети в значительной своей части из неблагополучной домашней среды.

— То-то и оно, — сказала А. П., — была я в группе: к одному так подойди, к другому — иначе, — измучаешься совсем.

Стали доискиваться причины ненормальности группы. Причина, главным образом, в том, что дети второгодники, „сборные“ разных групп.

Второгодники (оставленные на второй год).

Устраиваем группу второгодников. Что же у нас получается? Дети из разных групп, одни не могут поспеть за товарищами, другие излениваются; дети все глубоко различные, каждому нужен особый подход. То, что так легко сделать в нормальной группе, где трудных детей немного, — проследить их среду и найти методы

подхода к ним, — то так трудно в группе, сплошь составленной из второгодников. Нужно иметь железную волю и здоровье, чтобы заниматься с такой группой.

Особенно ненормальны такие группы в III-ем — IV-м году обучения, где дети переходят во II-ую ступень.

Ошибки учат быть строже к себе и к товарищам: нам нельзя думать лишь о том, чтобы освободиться от мешающего элемента ребят у себя в группе и тем уравнивать группу, но нужно подумать и о той группе, куда такие дети попадают, и о них самих.

У меня в группе несколько человек второгодников, которые по своей работоспособности прекрасно могли бы учиться в своем классе, они оставлены лишь потому, что трудны в воспитательном смысле. Такие ребята изнеживаются совсем к концу года от скуки и делаются еще более трудными. Какая их среда, почему их трудно воспитывать? На это я не получила подробного ответа от той руководительницы, которая мне их передала.

Когда мы передаем своих умственно-дефективных ребят в школу отсталых, с нас требуют подробные анкеты об их среде, начиная даже с зарождения ребенка; второгодники, кроме некоторых все являются трудными ребятами, а об их среде мы ничего не знаем, потому мы не мо-

жем как следует разобраться, как с ними поступить и часто делаем крупные ошибки.

Один в поле не воин, — нужно всем заинтересоваться средой своего ученика, в особенности трудного, вместе делиться впечатлениями о среде, о методах подхода к ребенку. Узнав состав группы своего товарища, при оставлении на второй год своего ученика, мы уже будем вернее знать в какую группу его поместить.

Мало того, что дети—второгодники могут вконец испортить ту группу, куда они попадают (особенно переростки), но они могут и сами испортиться от безделия и от неподходящей для них обстановки; кое-как добираясь до старших классов II-й ступени, они оттуда выходят негодными элементами. Мы своим неумелым подходом к ним не только не отводим трудных ребят от улицы, но сами толкаем их туда.

О трудности воспитания переростков (второгодников) не один раз говорили второступенцы, и им ведь приходится отвечать в последнем счете за ошибки, которые допустили руководители первой ступени.

Оставлять на второй год, как мы и говорили на родительском собрании, надо лишь с большой осмотрительностью, и только детей, которые действительно слабы и не могут идти со своей группой.

6. ПЕРЕГРУППИРОВКА

Знакомство со средой необходимо при перегруппировке ребят, которая теперь признается педагогами правильной и необходимой для уравнивания группы. (Конечно, перегруппировка возможна только там, где большие школы).

Когда мы набираем группу слабых ребят, то, узнав их среду, можем лучше понять, почему они отстали, и правильнее применять к ним те или другие методы.

Группа слабых ребят (школьно - отсталых) должна быть в половину меньше нормальной группы, иначе опять большая нагрузка помешает нам как следует узнать среду ребенка.

Перегруппировка является одной из самых важных работ в нашей школьной жизни, которая экономит наши силы и силы наших учеников.

Мне хочется поделиться впечатлениями одной из школ, где была произведена перегруппировка.

У них до сего времени не было перегруппировок, были такие же ненормальные группы второгодников, как и в нашей школе, в 45 — 50 человек, детей с разными способностями, где случайно попадались и вновь поступившие. Работать было крайне тяжело, уделять время на знакомство со средой нехватало сил, все уходило на то, чтобы кое-как уравнивать ту или другую подгруппу.

Слабые задерживали развитие способных ребят, — сами не будучи в состоянии дотянуться до способных. Это все были кандидаты на второй год.

Чтобы избежать в дальнейшем этих трудных групп — второгодников, пришлось перегруппировать ребят на слабых, средних и способных (сильных).

Работа пошла нормально, те и другие ребята, отдохнули, исчезла неровность в работе и жизни групп. Средняя группа быстро шла вперед, ребят успевающих переводили в сильную группу.

Слабым дана была посильная работа.

Было признано, что перегруппировку ребят необходимо сделать уже в I-й ступени, тогда ребенок сначала и до конца пойдет ровно. Таким образом изживется массовое оставление на второй год, которое часто губит ребят.

С самого начала, когда только приводят ребенка, необходимо иметь сведения об его среде, как протекало его детство, какие имелись дефекты его развития. Этим мы облегчим себе работу с самого начала, сэкономим свои силы и силы ребят, которых нам доверяют их родители.

Экономия нашей силы даст нам возможность отдать себя общественной работе.

Одной из основных общественно-необходимых работ учителя является ознакомление со средой, которая открывает перед ним целый новый мир того ребенка, которого нам доверили.

Мне хочется кончить словами одного из родителей — члена совсода:

— Мы должны быть строгими к себе.
Ребенок не виноват.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редактора	3
Введение.	6
1. Воришки	10
2. Грязнули и франтики	14
3. Нервно-возбужденные и апатичные дети	19
4. Полубеспризорные дети	25
5. Родительское собрание.	34
6. Перегруппировка.	42
